

**О.П. ЕРМАКОВА. ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ГОРОДА
В ЛЕКСИКЕ 30–40-х ГОДОВ XX ВЕКА.
КРАТКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ УШЕДШИХ
И УХОДЯЩИХ СЛОВ И ЗНАЧЕНИЙ
КАЛУГА: ЭЙДОС, 2008. 172 с.**

Выход в свет словаря О.П. Ермаковой вряд ли был замечен лингвистической и преподавательской общественностью, не говоря уж о “широком круге читателей”: словарь вышел тиражом всего в 500 экземпляров в местном издательстве, и за пределами Калуги он есть только у тех, кому повезло получить его от автора. А между тем публикация этого словаря – событие, потому что он принадлежит совершенно новому лексикографическому жанру: О.П. Ермакова поставила перед собой задачу через слово воскресить быт и культуру ушедшей эпохи.

Временные границы, обозначенные в названии словаря, достаточно условны; на самом деле он отражает гораздо более долгий период существования русского языка. Слова 30-х гг., как отмечает в предисловии к словарю сама О.П. Ермакова, трудно отделить от слов, существовавших в 20-е гг., а некоторые из этих слов употреблялись и до 1917 г.; в число слов 40-х гг. не вошла лексика, возникшая во время Отечественной войны, – иными словами, в словаре представлены только довоенный, 1940-й год, и несколько послевоенных; часть слов сохранила свою актуальность и в 50-е гг., а некоторые употребляются и сейчас.

С точки зрения современного носителя языка всю лексику, включенную в словарь, можно разделить на три группы: устаревшие слова, которые сейчас не употребляются и, возможно, неизвестны (*тэжэ* ‘Гострест высшей парфюмерии, жировой и костеобрабатывающей промышленности’, *мутовка* ‘лопаточка, палочка с кольцом или спиралью на конце для взбалтывания или взбивания жидкостей...’, *самоварничать* ‘пить чай с самоваром’, *полоскательница* ‘в чайном сервизе посуда, предназначенная для полоскания стаканов и чашек’); слова, которых известны, но сейчас употребляются крайне редко (*лавочник*, *галоши*, *базар*) и, наконец, хорошо известные и употребительные слова, значения которых изменилось, так как в 30–40-е годы они обозначали другие реалии (*бумага* ‘хлопок’. *Платье из шерсти с бумагой*; *наушники* ‘часть теплой шапки, закрывающая ухо’; *гуща* ‘Так называли густую кашу из заваренного и прокисшего черного хлеба. Гущей чистили медную посуду’). Это внешняя точка зрения на язык описываемой эпохи.

Но в словаре представлена и внутренняя точка зрения, т.е. точка зрения носителя языка, современно-этой эпохи: вслед за Д.Н. Ушаковым О.П. Ермакова использует помету “новое”, чтобы выделить слова, появившиеся в этот период.

В основе словника лежат такие источники, как, в первую очередь, “Толковый словарь русского языка” в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова, “Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.” Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской, “Заметки о русском языке, культуре и быте рубежа XIX–XX вв.” Е.А. Земской, «Язык распавшейся цивилизации. Материалы к теме: Советский лексикон в романе “Мастер и Маргарита”» М.О. Чудаковой и личные воспоминания О.П. Ермаковой и ее друзей. Последнее обстоятельство очень важно, потому что в отличие от большинства, если не от всех существующих словарей, в словаре О.П. Ермаковой всюду чувствуется присутствие автора, который беседует с читателем. Уже в предисловии О.П. Ермакова рассказывает о быте большого провинциального города – Астрахани, в котором прошли ее детство и юность, а замечания, отражающие личный опыт автора – как опыт словоупотребления, так и знание реалий, – встречаются во многих словарных статьях. Вот, например, что пишет О.П. Ермакова о слове *самоварничать* после того, как приводит цитату из словаря под редакцией Ушакова:

“То, что в сл. Ушакова названо прибауткой, было скорее частушкой:

Я чай пила, самоварничала –
Всю посуду перебила –
нахозяйничала”.

Кроме как в этой частушке я не встречала употребление глагола *самоварничать*, но очевидно оно встречалось в какой-то среде. Употребительным было слово *чаевничать*”. И в следующей словарной статье по поводу слова *чаевничать* говорится: “Дворовое детское слово было *почайпить*: Ты еще не *почайпила*? Как *почайпиешь*, *выходи*”.

Употребление слов иллюстрируется примерами из литературы 20–40-х гг. (из “Дневника Кости Рябцева” Н. Огнева, “Повести непогашенной лу-

ны” Б. Пильняка, рассказов и повестей А. Гайдара, “Трудов и дней Свистонова” К. Вагинова, “Торфа” М. Пришвина и других произведений тех лет), литературы об этом периоде, вышедшей позже, – в тех случаях, когда О.П. Ермакова считала ее достоверной: таковы, например, роман Ю. Трифонова “Дом на набережной” и “Московская сага” В. Аксенова. В словаре приводятся и примеры из живой разговорной речи, которые помнит О.П. Ермакова. В то же время в словаре встречаются и фрагменты из произведений, описывающих 60–80-е гг., например, из повести Ю. Трифонова “Обмен” (*В обеденный перерыв бежали в ГУМ смотреть, не выбросили ли каких-нибудь кофточек*), из рассказа В. Сорокина “Очередь” (*Не знаете, по сколько дают?*), свидетельствующие о том, что некоторые из включенных в словарь слов и значений были в ходу значительно позже, чем 40-е годы.

Словарь построен не по алфавитному, а по тематическому принципу. Это естественно: О.П. Ермакова стремилась дать целостное представление о каждом аспекте жизни 30–40-х гг. Само деление слов на тематические классы резко отличается от традиционно используемого в тезаурусах: оно отражает представления автора о структуре повседневной жизни (по-видимому, этот же список классов с некоторыми изменениями, связанными со спецификой эпохи, мог бы быть использован и в словарях быта других периодов).

Выделяются следующие группы слов: Имена лиц по роду занятий и другие; Учреждения; Транспорт; Разные непрофессиональные действия; Дом; Быт; Продукты; Болезни и лечение; Одежда, фасоны; Ткани; Разные материалы; Цветообозначения; Огнестрельное оружие; Монеты – деньги; Школа; Танцы; Игры взрослых; Игры детей; Характеристики, оценки; Обращение; Заверения в надежности утверждений; Модальные слова; Советизмы.

Последняя группа слов выделена, как пишет сам автор, не по тематическому принципу. Основание для ее выделения – особая роль, которую играли понятия и реалии советского времени в жизни 30–40-х гг. Но внутри этой группы слова снова делятся на тематические группы. Здесь и имена лиц (эта тематическая группа четко отражает классовую враждебность, существовавшую в социально неоднородном обществе 30-х годов, например: *бывшие, лишенец, вредитель*, с одной стороны, и *герой труда, общественник, стахановец, ударник*, с другой), названия учреждений и организаций (*домком, допр, совпартшкола*), экономика, снабжение, быт (*блат, дефицит, достать, закрытый распределитель*) и такая своеобразная группа, как ‘квартирный вопрос’. В этой группе всего четыре слова – *вселить, подсе-*

лить, коммуналка и уплотнить, но ее выделение оправдано чрезвычайной важностью в жизни советского человека событий и переживаний, связанных с этими словами – достаточно вспомнить знаменитые слова М. Булгакова, вложенные им в уста Воланда: “Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... *квартирный вопрос* (курсив мой. – Р.Р.) только испортил их” (“Мастер и Маргарита”).

Группировка слов по тематическим классам позволила О.П. Ермаковой отразить сложный и противоречивый быт эпохи, сочетавшей еще сохранившиеся идиллические реалии дореволюционного мира (в котором ели *французские булки* и леденцы *ландрин*, лечились *гоголь-моголем* и *Каплями датского короля*, где взрослые играли во *флирт* и *фанты*, а дети – в *горелки* и *море волнуется*, и где мальчики, девочки и молодые женщины носили *матроски*) с жестокими реалиями советской жизни, в которой по улицам нужно было ходить с *авоськами* на случай, если попадетесь *дефицит*, где в кабинетах сидели одетые в кожаные *тужурки* работники МУРа и НКВД, где ели *размол*, проводили *чистки*, и в котором человека можно было называть *элементом*.

В словаре О.П. Ермаковой поясняются значения слов, подробно описываются называемые ими реалии и – что отличает этот словарь от большинства существующих толковых словарей – характеризуются ситуации их использования. Например, в словарной статье *альбом* за толкованием этого слова сообщается, кому обычно принадлежали альбомы для стихов (девочкам 9–12 лет), что в них писали (обычно специальные альбомные стихи; О.П. Ермакова приводит по памяти стихотворение из альбома своей сестры), как выглядела страница альбома (перед стихотворением принято было наклеивать так называемую разрезную картинку – цветок или красивую женскую головку).

Словарь О.П. Ермаковой интересен и нужен читателям разных поколений: тем, кому совсем незнакомы описанные в нем слова и реалии, тем, чья юность пришлась на 50–60-е годы, но и тем, кто застал их лишь отчасти, и тем, кто с ними вырос, но хотел бы сравнить свой индивидуальный опыт и знания со сведениями, сообщаемыми автором.

Приведу всего один пример того, как важен словарь О.П. Ермаковой. В 2007 г. в издательстве “Махаон” вышли “Сказки” К. Чуковского. Если бы проиллюстрировавший эту книгу художник имел в своем распоряжении этот словарь, на картинке, сопровождающей всем известные строки из “Мойдодыра”: “Вот из маминой из спальни кривоногий и хромой выбегает умывальник и качает головой” – ребенок увидел бы “довольно сложное сооружение из тумбочки с дверцей (в тумбочку ста-

вилось ведро), раковины на поверхности тумбочки, крана над раковиной и резервуара, в который наливалась вода” (словарь О.П. Ермаковой, с. 70)¹, а не изображенный художником таз, стоящий на тумбочке под *рукомойником* (“сосуд для умывания с носиком” – с. 70), который никоим образом не может выйти из спальни, поскольку не составляет единого целого с тумбочкой и, соответственно, не имеет ножек.

В словаре О.П. Ермаковой есть алфавитный указатель, который позволяет находить нужные словарные статьи. Но на самом деле этот словарь хочется читать подряд, как книгу. Этому способствует и тематический принцип объединения слов, и характер словарной статьи, написанной в жанре рассказа о слове и вещи, и то, что тематические группы составляют разделы, которые нередко предваряются или завершаются коротким текстом (раздел *Обувь*, например, начинается с рассказа: “Люди 30-х–40-х годов 20-го века обувались несколько иначе, чем сейчас...”), и то, что между словарными статьями встречаются врезки, объединяющие их в связный текст. Вот пример короткой врезки после статьи *точильщик*: “Встречалась и такая профессия, как *трубочист*” – и дальше следует словарная статья *трубочист*. А в разделе “Болезни и их лечение” между статьями *гоголь-моголь* и *облатка* есть такая врезка: “Широко распространены были также анисовые капли, которые назывались *Капли датского короля* – сладкая микстура с запахом аниса. <...> *Формы для употребления лекарств* тоже имели нехарактерные для современной медицины названия”.

Сделать такой словарь – большая и трудная работа, и естественно, что он не лишен недостатков.

Заинтересованному читателю – а читатель О.П. Ермаковой, безусловно, будет увлечен тем материалом, который он найдет в словаре, – всегда чего-то не хватает. В словаре отсутствуют такие ныне забытые слова, как *балетки* (ср. “Горьковские девочки привезли для куряжских девочек специально для них сшитые роскошные наряды: синяя сатиновая юбочка, заложенная в крупную складку, хорошей ткани белая блузка, голубые носки и так называемые *балетки*” (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 3, 1935),²

¹ Именно так изображался умывальник на классических иллюстрациях В. Конашевича в старых изданиях К. Чуковского.

² В рецензии используются примеры из Национального корпуса русского языка.

вставочка (Но, просматривая эти списки, я случайно заинтересовался тем, что военное ведомство требовало на какие-то колоссальные, даже по тому времени, суммы лент для пишущих машин и *вставочек* для перьев (Г.А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей, 1930) и др.

К сожалению, в силу обстоятельств, автору был недоступен Национальный корпус русского языка, который позволил бы уточнить датировку некоторых слов. Так, О.П. Ермакова предполагает, что слово *авоська* появилось в конце 40-х гг., когда отменили карточки и возникла возможность что-нибудь случайно купить. Между тем по данным Национального корпуса слово *авоська* появилось, безусловно, раньше, ср.: И рядом, и навстречу бегут (или ползут – среднего не бывает) люди с портфелями, с *авоськами*, с судками, подвешенными к концам палкообразных рук (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943); Я просто заболела от зависти и голода, когда вижу людей, тащащих *“авоськи”*, полные бубликов, булочек и прочих благ (Г.С. Эфрон. Дневники. Т. 2. 1941–1943).

Не всегда удачно, с моей точки зрения, распределена информация по словарным статьям. Слово *комсомолец* получило краткое толкование в соответствующей словарной статье, в то время как подробно речь о комсомольцах идет в рамках статьи *пионер*; рассказ о том, что делали из *целлюлоида*, помещен в словарной статье *целлюлоза* (сырье для производства целлюлоида), в то время как логичнее было бы описать это слово в самостоятельной словарной статье.

В словаре есть технические погрешности: в нем попадаются опечатки, ударение указывается разными надстрочными знаками, не всегда выдержан отступ в начале словарной статьи, и, наоборот, иногда заглавное слово незаметно потому, что оно набрано без абзаца.

Но все это говорит только об одном: словарь О.П. Ермаковой должен быть переиздан – в дополненном и отредактированном виде, бóльшим тиражом и в каком-либо из центральных издательств. Хотелось бы надеяться, что он откроет целую серию словарей такого типа – что за ним последуют словари языка и быта города 50–60-х годов, а может быть, и последующих периодов нашей истории.

Р.И. Розина